

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Йозефовичъ.

Главная контора газеты въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Императорскаго Университета, № 7, при „Публичной Библиотекѣ“ Александра Александровича Йозефовича, принимаетъ подпись и обьявления; открыта въ будни отъ 9 час. утра до 7 час. вечера, а въ воскресенье и праздничные дни отъ 11 до 4 час. дн.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНIE.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

№ 128.

ХАРЬКОВЪ, СУБОТА 16 (28) Мая 1881 года.

ГОДЪ I.

ОТДѢЛЬНЫЕ МѢСѢ „ЮЖНОГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 к.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на
„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

1881 ГОДА.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Городъ безъ доставки	10	50	10	—	9	25	8	50	7	75	7	—
Городъ съ доставкою	12	—	11	50	10	75	10	—	9	10	8	20
Иногородище	12	50	12	—	11	25	10	25	9	50	8	50

Допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экземплярь по соглашанію съ главной конторой газеты. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа наѣднаго мѣсяца; но каждый срокъ простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Императорскаго Харьковскаго Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Йозефовича; ТАМЪ ЖЕ принимаются ОБЬЯВЛЕНИЯ.

Кромѣ того, подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Маринина и „Ночного Времени“ въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонова; въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. И. Федорова; въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ В. И. Балабо; въ Полтавѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойко-Родзевича въ Краменчугѣ; въ нотаріусѣ Ф. Фильбергера.

ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ: изъ Центральнаго нотариуса въ Парижѣ—у Навас, Lafite et C°, въ Place de la Bourgogne; въ Москвѣ—въ Центральномъ конторѣ обьявленія для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровской, домъ Соловьевика, въ Петербургѣ—въ томъ же конторѣ на Невскомъ проспектѣ, изъ дома Струбцина, въ Варшавѣ—въ варшавскомъ агентствѣ обьявленій Ребманъ и Френдерль на Сенаторской улицѣ, въ домѣ № 22.

МѢСТНЫЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ Мариинскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ,

управляющій акцизными сборами харьковской губерніи, Н. И. Трушонъ имѣть честь довести до всебѣдаго слѣпѣнія, что кружки для означеннаго сбора въ пользу слѣпыхъ будуть производиться въ городскихъ и монастырскихъ церквиахъ въ теченіе всей „недѣли о слѣпомъ“ съ 17 по 23 сего мая включительно. Кружки для означеннаго сбора опечатаны городскими головами и должностными лицами акцизного вѣдомства. По окончаніи сбора кружки будутъ вскрыты въ присутствіи опечатавшихъ ихъ лицъ и о количествѣ собранныхъ пожертвованій будетъ опубликовано въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ.

Въ воскресенье, 17 мая, въ 11 часовъ дн., въ помѣщении губернскаго земельнаго управленія (Бактерионская ул., д. Ачинской) назначено общее собраніе членовъ общества гравитности, для обсужденія годичного отчета правленія за 1880 годъ. (№ 953) 2—1

СОДЕРЖАНИЕ:
Харьковъ, 15-го мая 1881 года.
Замѣтки, проф. Л. Гиршмана.
Изъ записокъ земца, IV.
Телеграммы: (отъ „Международн. телеграфн. агентства“).

Мѣстная хроника. Письма въ редакціи.
Внутренніе извѣстія: Корреспонденціи „Южнаго Края“ изъ Кіева, Бургоса и полтавской губерніи. — Административныя новості. — Извѣстія изъ газетъ.

Обзоръніе газетъ и журналовъ.
Политическое обозрѣніе.
Календарь.
Справочники слѣпѣнія.
Фельетонъ: Дѣйствительно ли бракъ есть контрактъ, Л. Загурскаго.

Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.
15-го мая 1881.
Хотя за общий центръ тяготѣнія всѣхъ людей къ общественному счастію слѣ-

вивающія новая не предусмотрѣнныя болѣзни въ общественномъ политическомъ организмѣ. Только такимъ путемъ законодательство можетъ когда-либо достигнуть того, чтобы всѣ силы страны пришли въ равновѣсіе, стремясь къ единству, и чтобы ни одна частица этихъ силъ не тратилась бы на противодѣйствіе.

Поэтому—при данныхъ условіяхъ, сложившихся исторически, всѣдѣствіе неуловимой массы общихъ и личныхъ обстоятельствъ—общество и государство должно охранять для всѣхъ и каждого, на началь взаимно-равнѣ терпимости, неприкосновенность всѣхъ вѣръ и личныхъ вѣрованій, всѣхъ учений, мыслей и чувствъ, выражаемыхъ въ словахъ и въ печати,—если они не воспрещены точными законами, всѣдѣствіе явного отъ нихъ вреда, по соображенію общей пользы (№ 127 Южн. Кр.).

Такая „общественная или государственная вольность во гражданинѣ“, содѣйствующая стремлению къ политическому братству, какъ къ „точкѣ главнаго хода“ въ картина общественного счастія, должна быть представлена сполна каждому, а государство должно навсегда отказаться отъ роли жреца или превосвященника, направляющаго умы и сердца гражданъ къ дѣйствительной жизни, а къ не-беспой.

Этотъ основной догматъ политики, до сихъ поръ не осуществленный, и различающей въ значительной степени путь къ искренности и всестороннему знанію, хорошо понимали еще Екатерина II: „Въ толь великомъ государѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, всѣма бы вреднѣ для спокой-дѣянія, сознательно и даже безсознательно направлена жизнь, по каждымъ человѣкамъ въ отдельности естественно охранять также свои собственные интересы, признаясь себѣ за менѣшій центръ всѣхъ, возможныхъ для него, отношеній къ другимъ людямъ. Направить людей къ тому, чтобы просьвѣщеніемъ съѣдѣю, которо-ногда не упускало бы изъ виду общепользъ, законодатель можетъ только постепенно путемъ развитія въ народѣ умственного вообще и нравственно-политического въ особенности. Ни государство, ни общество не вправѣ устраивать жизнь человѣка по казен-ному образцу и вкусу, а должны раз-вить въ человѣкѣ только разумъ, или пониманіе общей пользы, связанной съ личными благами, и поддержать всякое стремление къ правильному съ этой цѣлью творчеству. Помни, что никакую связь нельзя сковать принуждениемъ и страхомъ, государство и общество должны смотрѣть на принуждение и страхъ, въ видѣ закона, какъ на ядовитыя лѣкарства, постоянно раз-дѣлять непремѣнно признаніе политическаго братства, къ которому, какъ къ идеалу, сознательно и даже безсознательно направлена жизнь, по каждымъ человѣкамъ въ отдельности естественно охранять также свои собственные интересы, признаясь себѣ за менѣшій центръ всѣхъ, возможныхъ для него, отношеній къ другимъ людямъ. Направить людей къ тому, чтобы просьвѣщеніемъ съѣдѣю, которо-ногда не упускало бы изъ виду общепользъ, законодатель можетъ только постепенно путемъ развитія въ народѣ умственного вообще и нравственно-политического въ особенности. Ни государство, ни общество не вправѣ устраивать жизнь человѣка по казен-ному образцу и вкусу, а должны раз-вить въ человѣкѣ только разумъ, или пониманіе общей пользы, связанной съ личными благами, и поддержать всякое стремление къ правильному съ этой цѣлью творчеству. Помни, что никакую связь нельзя сковать принуждениемъ и страхомъ, государство и общество должны смотрѣть на принуждение и страхъ, въ видѣ закона, какъ на ядовитыя лѣкарства, постоянно раз-дѣлять непремѣнно признаніе политическаго братства, къ которому, какъ къ идеалу, сознательно и даже безсознательно направлена жизнь, по каждымъ человѣкамъ въ отдельности естественно охранять также свои собственные интересы, признаясь себѣ за менѣшій центръ всѣхъ, возможныхъ для него, отношеній къ другимъ людямъ. Направить людей къ тому, чтобы просьвѣщеніемъ съѣдѣю, которо-ногда не упускало бы изъ виду общепользъ, законодатель можетъ только постепенно путемъ развитія въ народѣ умственного вообще и нравственно-политического въ особенности. Ни государство, ни общество не вправѣ устраивать жизнь человѣка по казен-ному образцу и вкусу, а должны раз-вить въ человѣкѣ только разумъ, или пониманіе общей пользы, связанной съ личными благами, и поддержать всякое стремление къ правильному съ этой цѣлью творчеству. Помни, что никакую связь нельзя сковать принуждениемъ и страхомъ, государство и общество должны смотрѣть на принуждение и страхъ, въ видѣ закона, какъ на ядовитыя лѣкарства, постоянно раз-дѣлять непремѣнно признаніе политическаго братства, къ которому, какъ къ идеалу, сознательно и даже безсознательно направлена жизнь, по каждымъ человѣкамъ въ отдельности естественно охранять также свои собственные интересы, признаясь себѣ за менѣшій центръ всѣхъ, возможныхъ для него, отношеній къ другимъ людямъ. Направить людей къ тому, чтобы просьвѣщеніемъ съѣдѣю, которо-ногда не упускало бы изъ виду общепользъ, законодатель можетъ только постепенно путемъ развитія въ народѣ умственного вообще и нравственно-политического въ особенности. Ни государство, ни общество не вправѣ устраивать жизнь человѣка по казен-ному образцу и вкусу, а должны раз-вить въ человѣкѣ только разумъ, или пониманіе общей пользы, связанной съ личными благами, и поддержать всякое стремление къ правильному съ этой цѣлью творчеству. Помни, что никакую связь нельзя сковать принуждениемъ и страхомъ, государство и общество должны смотрѣть на принуждение и страхъ, въ видѣ закона, какъ на ядовитыя лѣкарства, постоянно раз-дѣлять непремѣнно признаніе политическаго братства, къ которому, какъ къ идеалу, сознательно и даже безсознательно направлена жизнь, по каждымъ человѣкамъ въ отдельности естественно охранять также свои собственные интересы, признаясь себѣ за менѣшій центръ всѣхъ, возможныхъ для него, отношеній къ другимъ людямъ. Направить людей къ тому, чтобы просьвѣщеніемъ съѣдѣю, которо-ногда не упускало бы изъ виду общепользъ, законодатель можетъ только постепенно путемъ развитія въ народѣ умственного вообще и нравственно-политического въ особенности. Ни государство, ни общество не вправѣ устраивать жизнь человѣка по казен-ному образцу и вкусу, а должны раз-вить въ человѣкѣ только разумъ, или пониманіе общей пользы, связанной съ личными благами, и поддержать всякое стремление къ правильному съ этой цѣлью творчеству. Помни, что никакую связь нельзя сковать принуждениемъ и страхомъ, государство и общество должны смотрѣть на принуждение и страхъ, въ видѣ закона, какъ на ядовитыя лѣкарства, постоянно раз-дѣлять непремѣнно признаніе политическаго братства, къ которому, какъ къ идеалу, сознательно и даже безсознательно направлена жизнь, по каждымъ человѣкамъ въ отдельности естественно охранять также свои собственные интересы, признаясь себѣ за менѣшій центръ всѣхъ, возможныхъ для него, отношеній къ другимъ людямъ. Направить людей къ тому, чтобы просьвѣщеніемъ съѣдѣю, которо-ногда не упускало бы изъ виду общепользъ, законодатель можетъ только постепенно путемъ развитія въ народѣ умственного вообще и нравственно-политического въ особенности. Ни государство, ни общество не вправѣ устраивать жизнь человѣка по казен-ному образцу и вкусу, а должны раз-вить въ человѣкѣ только разумъ, или пониманіе общей пользы, связанной съ личными благами, и поддержать всякое стремление къ правильному съ этой цѣлью творчеству. Помни, что никакую связь нельзя сковать принуждениемъ и страхомъ, государство и общество должны смотрѣть на принуждение и страхъ, въ видѣ закона, какъ на ядовитыя лѣкарства, постоянно раз-дѣлять непремѣнно признаніе политическаго братства, къ которому, какъ къ идеалу, сознательно и даже безсознательно направлена жизнь, по каждымъ человѣкамъ въ отдельности естественно охранять также свои собственные интересы, признаясь себѣ за менѣшій центръ всѣхъ, возможныхъ для него, отношеній къ другимъ людямъ. Направить людей къ тому, чтобы просьвѣщеніемъ съѣдѣю, которо-ногда не упускало бы изъ виду общепользъ, законодатель можетъ только постепенно путемъ развитія въ народѣ умственного вообще и нравственно-политического въ особенности. Ни государство, ни общество не вправѣ устраивать жизнь человѣка по казен-ному образцу и вкусу, а должны раз-вить въ человѣкѣ только разумъ, или пониманіе общей пользы, связанной съ личными благами, и поддержать всякое стремление къ правильному съ этой цѣлью творчеству. Помни, что никакую связь нельзя сковать принуждениемъ и страхомъ, государство и общество должны смотрѣть на принуждение и страхъ, въ видѣ закона, какъ на ядовитыя лѣкарства, постоянно раз-дѣлять непремѣнно признаніе политическаго братства, къ которому, какъ къ идеалу, сознательно и даже безсознательно направлена жизнь, по каждымъ человѣкамъ въ отдельности естественно охранять также свои собственные интересы, признаясь себѣ за менѣшій центръ всѣхъ, возможныхъ для него, отношеній къ другимъ людямъ. Направить людей къ тому, чтобы просьвѣщеніемъ съѣдѣю, которо-ногда не упускало бы изъ виду общепользъ, законодатель можетъ только постепенно путемъ развитія въ народѣ умственного вообще и нравственно-политического въ особенности. Ни государство, ни общество не вправѣ устраивать жизнь человѣка по казен-ному образцу и вкусу, а должны раз-вить въ человѣкѣ только разумъ, или пониманіе общей пользы, связанной съ личными благами, и поддержать всякое стремление къ правильному съ этой цѣлью творчеству. Помни, что никакую связь нельзя сковать принуждениемъ и страхомъ, государство и общество должны смотрѣть на принуждение и страхъ, въ видѣ закона, какъ на ядовитыя лѣкарства, постоянно раз-дѣлять непремѣнно признаніе политическаго братства, къ которому, какъ къ идеалу, сознательно и даже безсознательно направлена жизнь, по каждымъ человѣкамъ въ отдельности естественно охранять также свои собственные интересы, признаясь себѣ за менѣшій центръ всѣхъ, возможныхъ для него, отношеній къ другимъ людямъ. Направить людей къ тому, чтобы просьвѣщеніемъ съѣдѣю, которо-ногда не упускало бы изъ виду общепользъ, законодатель можетъ только постепенно путемъ развитія въ народѣ умственного вообще и нравственно-политического въ особенности. Ни государство, ни общество не вправѣ устраивать жизнь человѣка по казен-ному образцу и вкусу, а должны раз-вить въ человѣкѣ только разумъ, или пониманіе общей пользы, связанной съ личными благами, и поддержать всякое стремление къ правильному съ этой цѣлью творчеству. Помни, что никакую связь нельзя сковать принуждениемъ и страхомъ, государство и общество должны смотрѣть на принуждение и страхъ, въ видѣ закона, какъ на ядовитыя лѣкарства, постоянно раз-дѣлять непремѣнно признаніе политическаго братства, къ которому, какъ къ идеалу, сознательно и даже безсознательно направлена жизнь, по каждымъ человѣкамъ въ отдельности естественно охранять также свои собственные интересы, признаясь себѣ за менѣшій центръ всѣхъ, возможныхъ для него, отношеній къ другимъ людямъ. Направить людей къ тому, чтобы просьвѣщеніемъ съѣдѣю, которо-ногда не упускало бы изъ виду общепользъ, законодатель можетъ только постепенно путемъ развитія въ народѣ умственного вообще и нравственно-политического въ особенности. Ни государство, ни общество не вправѣ устраивать жизнь человѣка по казен-ному образцу и вкусу, а должны раз-вить въ человѣкѣ только разумъ, или пониманіе общей пользы, связанной съ личными благами, и поддержать всякое стремление къ правильному съ этой цѣлью творчеству. Помни, что никакую связь нельзя сковать принуждениемъ и страхомъ, государство и общество должны смотрѣть на принуждение и страхъ, въ видѣ закона, какъ на ядовитыя лѣкарства, постоянно раз-дѣлять непремѣнно признаніе политическаго братства, къ которому, какъ къ идеалу, сознательно и даже безсознательно направлена жизнь, по каждымъ человѣкамъ въ отдельности естественно охранять также свои собственные интересы, признаясь себѣ за менѣшій центръ всѣхъ, возможныхъ для него, отношеній къ другимъ людямъ. Направить людей къ тому, чтобы просьвѣщеніемъ

